

Ната вышла на привокзальную площадь, осмотрелась. Надо было найти остановку троллейбуса. «Поздно. Ему уже ничем не поможешь. Надо было прийти, когда звал тебя», – услышала голос с цыганским напевом. Она не видела ту, которая говорила, но понимала, что эти слова обращены к ней, потому что они буквально были вложены ей в уши. Когда обернулась, в сторону уходила пожилая цыганка. Ната хотела спросить, о ком идёт речь, но та удалялась быстрым шагом и смешалась в толпе соплеменниц. Почему была сказана именно эта фраза? Она ехала просто на встречу с Володей, с которым не виделась много лет. Чем, собственно, она могла ему помочь раньше, «когда он звал»? А когда он звал? Ната стала перебирать в памяти всё, что связано с Володей, и вдруг вспомнила сон. Она тогда отдыхала в Затоке. Этот сон долго волновал её, но дозвониться и дописаться к нему она так и не смогла. Во сне Володя стоял на высоком мосту над рекой в телефонной будке. Она видела его как бы со стороны и чуть сверху. Он звонил ей. «Я не могу больше так! Моя жизнь, моя семья... все это мираж, фальшь. Я задыхаюсь в липкой паутине лжи, она спеленала меня своими гадкими и тесными сетями. Я не могу двигать ни руками, ни ногами, чувства мои притупились, ум расплывается под тяжестью обязательств. Спаси меня! Забери меня отсюда! Только ты одна в силах прекратить этот кошмар, прервать эти муки».

Это был вопль, вопль отчаявшейся души, от которого у неё разрывалось сердце. Ната проснулась с тяжёлым осадком, потому что даже не предполагала, что у него всё так плохо. С одной стороны очень жалела его, с другой была рада тому, что он обратился к ней. Наконец-то обратился. Пусть даже не наяву, пусть во сне. Всё равно это крик его души. Сколько же лет она ждала этого! Терпеливо ждала, зная, что рано или поздно это должно будет произойти. По-другому быть не могло. То, что возникло между ними в молодости, предвосхищало эти события. Но с тех пор прошло половину века. Они встретились молодыми, полными сил, влюбились друг в друга, но не остались вместе. И в этом была виновата она. Проснувшись, долго лежала. Не хотела вставать, чтобы не потерять ауру сна, обволакивающую её приятными воспоминаниями молодости, наполненную звучанием его голоса, нежного, мягкого, который она так давно уже не слышала. Целую вечность, почти пятьдесят лет они не виделись и не разговаривали. Но сегодняшний голос был таким, каким был в ту ночь, пятьдесят лет назад, когда он ей признавался в любви. Его тембр, интонация... вливались в душу, волновали и наполняли сладкими воспоминаниями. Она помнила всё до мелочей, как будто это произошло прямо сейчас, несколько минут назад. А ведь это действительно произошло: он ещё раз объяснился ей в любви, он подтвердил своё давнее объяснение. Ничего им не забылось, не стёрлись чувства, не угасла страсть, не изменились интонации голоса. Прошло столько лет, а всё так свежо. Ей не хотелось со всем этим расставаться, но надо было идти

на завтрак. Она проводила отпуск на берегу лимана в Затоке. Ната автоматически забрасывала в рот всё, что лежало на тарелке, почти не ощущая вкуса. Ей было не до еды. В голове звучал голос любимого, который просил о помощи. И не просто просил, а вопил. Что же она может сделать? Как его найти теперь, после перестройки и развала Союза? Завод, на котором он работал, наверняка приватизирован. Кроме того, по телевизору ей попадала информация о том, что завод почти развален, разобран на отдельные цеха, которые превратились в предприятия бизнеса. Она не один раз уже писала письма по адресу, который ей дал однокурсник, звонила по телефону. По телефону ей отвечали, что это квартира не Клёсова, а на письма просто не отвечали. Как же его найти? Весь день ходила под впечатлением сна, чувствуя, что Володе плохо, что она должна поехать к нему, но куда?

* * *

Володя слышал, что в группу перевелась девочка из Новочеркасского политеха. Прошёл слух, что её отец – друг декана факультета. Обычно переводятся, да ещё на старший курс, кандидаты на отчисление или скандалисты. В общем, проблемные студенты. «Двоечница наша новенькая, наверное, – подумал Клёсов, уважающий в девчонках только ум. Она его совершенно не заинтересовала. Никто её не видел, и сегодня она появилась впервые. В группе с самого первого курса учились три девочки. Они пришли в спортивных шароварах, шерстяных кофточках и выглядели совсем домашнему, как будто в огороде вышли поработать. На новенькой и одежда была новенькой: коричневые репсовые брюки с отстроченным кантом, мужская сорочка в серую с белым клетку, кепка. В одной руке она держала сумку, в другой самовяз – жакет с оригинальными жгутами, перекинутый через плечо. Её подвела секретарь факультета: « Это Наташа Пиалова. Она будет учиться в вашей группе». Вместо того чтобы сказать: «Очень приятно», как это делается при знакомстве, она обвела всех взглядом с лёгкой улыбкой превосходства и достоинства: «Знакомиться будем по ходу жизни».

Впечатление она явно произвела на всех, правда, разное. Девчонки точно, её невзлюбили сразу. «Задавака», – шепнула на ухо Тамаре Лора Скредова, скривив презрительно губы. «Ну, эта ей крови попортит, – подумал Клёсов, – Лариска, вообще, вредная, а на кого взьётся, то держись – спуску не даст. Да, и новенькая, похоже, не лыком шита: на неё где сядешь, там и встанешь. На двоешницу она не похожа, и из списка тупых он её вычеркнул. Эта – скорее скандалистка или искатель правды». Он всю ночь простоял в автобусе, потому что не было мест – все ехали на учёбу в Донецк. Полусонный и уставший он рассматривал новенькую как-то отстранённо, лениво, но всё-таки заметил некоторую неожиданность. На вполне европейском лице устроились раскосые миндалевидные глаза, над которыми тонкими стрелами от переносицы к виску, параллельно разрезу глаз, чернели брови. Что-то неуловимо азиатское присутствовало на лице, выявляя носительницу восточных кровей. Но тут дали команду: «По машинам!» и все стали усаживаться на дно кузова полуторки, устеленного соломой. Не успел он коснуться пола, как уснул с приятным чувством чего-то таинственного, что ожидает его впереди. Они ехали в колхоз на уборку урожая.

На следующий день за завтраком он её не видел, так как девчонки позавтракали раньше и куда-то ушли, а вот на уборку кукурузы ехали вместе. Хоть и не разглядел он вчера её хорошо, стоя в отдалении, но чем-то она задела его, поселила в груди смутное волнение. Ни вчера, ни сегодня она не только его, но и всех мальчишек в группе просто не замечала. Ни с кем не заговаривала, и никто не решался первый с ней заговорить: неизвестно на какой ответ нарвёшься. Что она необычная девчонка, поняли уже все. Только с Любой Тольмейстер перебрасывалась словами, по делу, конечно. После завтрака к нему подошёл староста:

– Ну, что за цаца к нам прибыла? Переерошила всю группу: у кого – на «двенадцать», у кого – на «шесть»!

– Да, я вижу, что равнодушным никто не остался, если даже тебя, Адик, это задело.

– Я боюсь, что в группе коррида начнётся. Она же как красная тряпка тореодора для быка.

– Это ты преувеличиваешь. Корриды не будет, но она, действительно, необычная девчонка.

– Неужели и ты, а, Володя, стойкий женоненавистник? Я грешным делом уже подумал, что ты голубой. У всех по девице, с любовью или нет, только ты три курса один. Хотя не одна девчонка на тебя глаз положила, тебя никогда не видели в их обществе, и на вечерах не бывал, даже не танцевал с девчонками, не то чтобы в «кусты ходить».

– Да это от «ёжика» зависит – ошетинился, выпустил свои иголки. Как же я пойду в «кусты» с ними? Наколю.

– Серьёзный у тебя «ежик».

* * *

Ребята открыли задний борт грузовика. Володя задержался у машины, помогая девчонкам спрыгивать, конечно же, в предвкушении прикоснуться к новенькой. Помогал попутно и ребятам: кого за талию придерживал, кто на плечо опирался.

Девчонки опирались на плечи Володи, и прыгали. Ната, даже не взглянув на парня, положила руки ему на плечи, и прыгнула вниз... красиво, грациозно, как прыгают хорошо натренированные спортсменки со снаряда, довольные без ошибок выполненным упражнением. «Так она ещё и спортсменка!» – мелькнула мысль. Её тело, лёгкое, как пушинка, вспорхнуло в воздухе и спружинило, прикасаясь к земле. Погашая толчок от соприкосновения с землёй, оно завибрировало, и эти вибрации передались ему. Он физически ощутил нечто мистическое, пришедшее из Земли и соединившее их. В этом ощущении предугадывалось хорошее предзнаменование: они соединены силами Земли! Он подумал: «Ещё бы и силами Неба!» Высокие азиатские скулы, в разлёт рисунок бровей на европейском лице делали его экстравагантным. Острый восточный взгляд. Такое сочетание было неожиданным. Что-то тёплое, смутное, как будто давно знакомое, зашевелилось в груди. Где и когда он мог встречаться с этим? Там, глубоко-глубоко, из самых потаённых глубин памяти выплывало это смутное чувство знакомства, тревожило его, приятно волновало. Волнение нарастало, подогреваемое тёплыми всплесками памяти. Становясь всё горячее, заполняя грудь, они перекрыли дыхание. И вот уже горячая волна вырвалась наружу неожиданным выдохом.

Когда ступни коснулись земли, и Ната уже стояла на земле, руки убирать не спешила, потому что они оставались на плечах мальчика, полностью вытянутыми. «Что за каланча?» – подумала она, и подняла глаза, застыв в изумлении. Перед ней стоял викинг. Высокий, стройный, сильный, с тренированными мышцами. Дерзость и удача читалась в его облике. Смуглая кожа свидетельствовала о дальних морских переходах. Серо-голубые глаза светились добротой и отвагой. Они несколько мгновений смотрели друг на друга, но то первое чувство, родившееся в эти мгновения, осталось на всю жизнь.

В первый момент в её глазах было удивление, но оно тут же сменилось восхищением. Володя не мог объяснить ни её удивления, ни её восхищения, только понимал, что в нём она увидела что-то поразившее и восхитившее её.

Машина тут же отъехала, потому что Ната спрыгивала последней. Она пошла в поле, догоняя ребят, Володя пошёл следом. «Что же её так восхитило во мне и поразило?» Как бы он хотел это знать, но спросить у неё не смел. Её взгляд, словно удар молнии, пронзил всё его существо, оборотительным видением пленившим душу. С той самой секунды, когда он посмотрел в её светло-карие глаза, такие мягкие, словно озёра мёда, он понял, что утонул в них, и утонул навсегда. Ему ещё и ещё хотелось в них смотреть и чувствовать, как внутри него поднимается что-то невообразимо сладостно-приятное и волнительное. Весь день он держал её в поле своего зрения, и время от времени их взгляды встречались.

* * *

Казалось, в её жизни было всё: и весёлое пение птиц по утрам в кронах высоченных деревьев перед институтом и сопровождающий на лекции, поднимающий настроение, солнечный луч, скользкий по щеке, лаская своим светящимся теплом, яркая зелень, буйствующие краски природы, голубое глубокое небо. Всё было завораживающе прекрасно, но хотелось ещё чего-то, такого, чтоб всё звенело вокруг напряжением восторга, распирающим грудь, стремящимся в пространство. В пространство, которое называют Любовь, которая и есть этот восторг. И так хотелось ощущать не только в себе, но чтобы и весь мир вокруг неё звенел и переливался, напряжённый чувством, чтобы дух захватывало, когда рядом был любимый. Не было этого ничего, ничего из желанного и воображённого она не чувствовала. В её воображении мощные волны Любви сливались в бурлящий, переливающийся всеми цветами радуги единый поток, унося их на своём гребне в заманчивые непознанные дали. Так хотелось такого, чтобы всё от земли до неба заполнялось золотым светом их

любви! И Любовь она представляла как слияние глубоко душевной мощи органной музыки Баха и летящей ввысь лёгкой мелодии скрипки, тонкой, прозрачной, струящейся. Иногда она сомневалась в том, что когда-нибудь это придёт к ней, но она ждала.

* * *

Под стеной на длинной скамейке сидел староста группы, и Ната села рядом. Завели разговор. Подошли ребята и тоже подключились к разговору. Среди них был Клёсов. Образовалась небольшая компания. Ната вливалась в коллектив. Кто-то подходил, кто-то уходил. Когда почти все разошлись, Клёсов повернулся к Натe:

– Пойдём, погуляем.

– Нет. Я не хочу гулять.

Конечно же, она хотела всем сердцем и всей душой пойти погулять с этим интересным мальчиком с необыкновенным лицом викинга. Но разве она могла себе позволить это, разве она могла предать Глеба? Она, без пяти минут его жена, вдруг идёт гулять с другим мальчиком!

– Не отказывай ему, – попросил староста, сидящий рядом с ней. – Он первый раз в жизни пригласил девочку. Он и так, сколько мы его знаем, – а это три курса, – ни на одну девочку не посмотрел, а они за ним табунами ходят. Красивый, статный, да ещё и отличник! Посмотри, какой мóлодец! Если сегодня откажешь, на всю жизнь отобьёшь ему охоту девочек приглашать.

Ната была пристыжена. Её призвали к милосердию. Разве могла она быть немилосердной и своим отказом испортить парню жизнь?

– Хорошо. Я пойду, но пусть с нами ещё кто-нибудь пойдёт.

Слышавшая весь этот разговор Люба согласилась, спрашивая:

– Кто ещё пойдёт?

Пошёл Валера Бойко. И они вчетвером отправились на прогулку, тут же разделившись на пары.

В начале сентября в южных степных районах Донбасса сохраняется тёплая, почти летняя погода. Глубокое тёмной синевы небо, местами почти чёрное, было усыпано огромными серебристыми чешуйками звёзд. Они шли по просёлочной дороге вдоль посадки. А справа простиралось, уже убранное, пшеничное поле. От него пахло соломой, домом и уютом.

То ли Ната с Володей ушли вперёд, то ли Люба с Валерой отстали, но пары потеряли друг друга из вида. Волшебная ночь, окутанная зелёным бархатом листвы и тёмно-синим небом, ниспадающим к горизонту и бескрайним просторам полей, создавала ощущение нереальности происходящего. Володя широко раскинул руки:

– От горизонта до горизонта все звёзды неба – твои. Я дарю тебе их. Он складывает её ладони лодочкой, собирает с неба звёзды, и полные пригоршни высыпает ей. Повторяет несколько раз, приговаривая:

– Вот они: блестящие, красивые, яркие... они – все твои. Я осыпаю тебя звёздами... смотри, как ты искришься... ты самая искристая девочка на свете. Да что звёзды! Я для тебя не только звёзды с неба сниму, я и тебя на само небо подниму. Вон там, вокруг той самой крупной звезды вращается планета. На ней тоже есть жизнь. Не веришь? Я это чувствую... я вижу мальчика и девочку, идущих по просёлочной дороге и, они, подняв голову в своё небо, видят нашу землю, чувствуют нас. Он взял её за руку. – Полетели к ним!

Его рассуждения пугают Натy. Она опасается, что этот викинг окажется со странностями, но пока не показывает вида.

– Посмотри. Видишь? Девочка спрыгивает с машины и с восхищением смотрит на мальчика. Интересно, что такого она увидела в нём, что её восхитило.

– А пусть он у неё и спросит, – приняла игру Ната.

– Он не смеет.

– Скажи ему, чтобы он был посмелее.

– Мальчик, не дрейфь, спрашивай! Изменив голос: – Девочка, что ты увидела?

– Передо мной стоял не мальчик из группы... передо мной стоял викинг, окутанный облаком романтики морских путешествий и любовных приключений.

– Не замечал за собой любовных приключений.

– Потому что пользовался умом, а я разговаривала с глазами. Глаза мне и поведали твою тайну.

– Тайну прошлой любви? А настоящей?

– У тебя всё ещё впереди.

Прямо над горизонтом вырисовывалось созвездие Стрельца, одно из двенадцати зодиакальных созвездий.

– Ты кто по знаку зодиака?

– Козерог.

– Так мы с тобой совсем рядом на небе. Я – Стрелец. Именно в Стрельце находится самая красивая часть Млечного пути. В нём множество шаровых и рассеянных скоплений, светлых и тёмных туманностей. Это созвездие только одной своей частью находится в поясе зодиака, а другой располагается на Млечном пути. Стрелец большое созвездие и очень красивое, потому что в нём много ярких звёзд. Полетели?

Показывая на звезду правой рукой, левой обнимает Нату, чуть притягивая к себе, как бы приглашая в полёт.

– Мы летим с тобой к самой яркой звезде в салоне волшебного облака. Мимо нас проплывают планеты и разноцветные скопления звёзд, мы ныряем в туманности и проходим сквозь них. Где-то сбоку выплывает дракон, фыркая и испуская огненные протуберанцы. Но он нам не страшен. Мы ему говорим, что мы сами драконы, потому что родились в год дракона, и он улыбается, кивая своей страшной головой. И мы уже с тобой в другом времени. Моя рука лежит на твоём плече. Ладонь ощущает тепло и шелковистость твоей кожи. Мы медленно плывём к звезде. Нам хорошо вдвоём. Нам хочется так плыть долго-долго. Я чувствую...

– Я не знаю, что чувствует тот мальчик, который летит к далёкой звезде, зато знаю, что может чувствовать мальчик в соседнем колхозе, увидев, что ты меня обнимаешь, – сказала Ната, сбрасывая его руку движением плеча.

– Но что это? Моё сердце пронизывает боль. Она исходит из твоих уст. Плечо становится холодным и жёстким. Оно толчком сбрасывает мою руку... А причём тут мальчик из соседнего колхоза? Мы же в звёздном царстве.

– Опустись со звёзд на Землю. В соседнем колхозе – группа сталеплавильщиков. В ней учится мой мальчик, которого я люблю, и мы с ним должны пожениться.

Володя долго молчал. Он был в шоке. «Как? Какой мальчик? А я?» – билось в ужасе сердце. Земля поплыла под ногами, закачались звёзды, мир летел в пропасть, его мир, в котором он всего минуту назад держал самый дорогой и важный приз в своих руках. Его пронзила такая боль, которую он никогда ещё не испытывал. Но это была не физическая боль, которая появляется от побоев или порезов, от ран. Он вдруг сам стал одной большой кровоточащей раной, пылающей огнём и сжигающей то огромное, что сулило ему радость и счастье. Всё это сгорало с такой нестерпимой болью, что у него потемнело в глазах. Он пылал всепоглощающим огнём, сжигающим то огромное и ещё неведомое, но такое манящее, то, что всего мгновение назад распускалось в его душе экзотическим цветком с диковинным ароматом, сгорало в языках неистового пламени. Как он радовался возрастающему в нём цветку, как лелеял его. Всего два дня. Два дня счастья! И всё! И ничего больше нет: ни любви, ни радости, ни счастья... Мир померк в его глазах.

Володя молчал, но Ната видела лицо мальчика, и удивилась его состоянию: «Неужели у него всё так серьёзно? Лучше бы мы не ходили на прогулку. Теперь я ему принесла ещё больше боли, чем если бы отказалась с ним пойти. Откуда же я знала, что он успел прикипеть ко мне, а теперь отрывает себя от меня с такой дикой болью?»

– Ты не огорчайся, Володя, – пыталась утешить, – ты такой необыкновенный! Тебя обязательно полюбит такая же необыкновенная девочка, непохожая на всех остальных и самая лучшая.

– Ты – для меня самая необыкновенная и самая лучшая. К нему, наконец, возвратилась способность говорить. Он помолчал, а потом с такой неподдельной горечью добавил: – но не моя.

– А ты собственник! – Ната лукаво улыбнулась, пытаясь хоть как-то уменьшить его боль.

– Это не собственность! Это больше... это – я! Я потерял себя!

Вся его предыдущая жизнь, всё, что было до этой минуты – счастливое возвращение отца, командира подводной лодки, с фронта, получение золотой медали за десятилетку, осознание себя студентом на гребне жизни, раскрывающиеся перед ним горизонты будущего, всё сгорело в этом жутком огне, поэтому ему и было так больно. Сгорела в нём и его будущая Любовь, о которой он мечтал и,

которая так сладко тревожила душу. Всё сторело, оставив пепелище – выжженное прошлое, настоящее и будущее.

– Это всегда так кажется, – утешала его Ната, – жизнь ведь только начинается. Потом ещё кого-нибудь встретишь, и она тебе тоже покажется самой лучшей, – говорила исходя из своего опыта. Ведь казался и Глеб ей лучше всех до вчерашнего дня, а сегодня – Володя, но она не позволяет себе дать ход чувствам: надо быть постоянной. Но несмотря на это, он всё больше и больше вторгается в её мир: да он попросту в нём всё перевернул.

Постепенно к Володе вернулось самообладание, но отчаяние так и не покидало:

– Только-только я нашёл в мире душу, которую столько искал, и сразу же потерял. Как же коротка была моя радость, каким же коротким было моё счастье.

– Не отчаивайся. Душа моя с тобой. Я чувствую, что наши души родственны и что мы, может быть, знали друг друга в прошлой жизни, поэтому им так тепло и уютно вместе с первой минуты.

– Тебе, правда, тепло со мной?

– Правда. Но это ещё ничего не значит. Сердце любит другого.

– А ты уверена, что это любовь?

– Ты меня так допрашиваешь, как будто сам любишь меня. Ты знаешь меня всего два дня.

– А сколько ты знаешь своего мальчика?

– Больше года. Мы собираемся расписаться, поэтому я и перевелась в Донецк.

– С первой же секунды, когда встретились наши взгляды, я понял, что мы знали друг друга. Где и когда, не знаю, но знаю, что встречались, что это встреча после долгой разлуки. Между нами пошло такое тепло, которого я ещё никогда не ощущал в жизни. Такое просто так не бывает.

– Тепло я тоже почувствовала и ещё подумала: «Любовь с первого взгляда?»

– Вот видишь! Ты разберись со своим мальчиком, а я подожду.

* * *

Для Наты сидеть без опоры всегда было сложно – очень быстро начинала болеть спина. Они собирали картошку, и приходилось всё время наклоняться. За день устал позвоночник, и требовал отдыха. Поэтому, немного посидев, чтобы снять нагрузку, легла на спину рядом с сидящим Володей. Володя смутился: что это? Предложение? В голову ударил хмель и уйма вопросов: как поступить? Принять или отклонить? Если принять, что делать? Но, очнувшись, вспомнил, что они на поле, у всех на виду. Но руку всё-таки просунул под голову, чтобы ей удобнее было лежать, и таким образом, и сам развернулся к ней вполоборота, как бы нависая над ней. Их взгляды встретились. Они долго смотрели друг на друга, понимая, что они оба хотят того, чего никогда между ними не произойдёт. У Володи вырвался стон, а Ната крепче сомкнула губы.

– Даже вот так полежать рядом – и такая мука.

– Не начинай! Мы ничего не можем изменить. Я – закольцована.

– Сорви это проклятое кольцо! Я же чувствую, что тебе многое, если не всё, во мне нравится. Хотя бы скажи, что тебе нравится во мне, если не можешь позволить действия, то хотя бы скажи. Скажи, прошу тебя!

– Ты мне нравишься, может быть, я даже люблю тебя. Ты вызываешь во мне незнакомые чувства, меня волнуют твои взгляды.

– А его взгляды тебя тоже волнуют?

– Нет... не так.

– «Не так», а как? Как? – чуть не кричал он.

– Я захлёбываюсь ими, а скорее, наполняюсь, как воздушный шарик, и лечу в небеса. Ты всё делаешь не так, как он. У тебя совсем другая манера поведения, и жесты другие, и взгляды, тон разговора, тембр голоса. И всё это трогает меня, волнует. Я наслаждаюсь тобой. Ты делаешь всё по-особому. С тобой ко мне пришли чувства и ощущения, которые я не испытывала раньше. Они мне вообще были незнакомы. Что между нами что-то было, есть и будет, я поняла в первое же мгновение, когда заглянула в твои глаза, там, возле машины. Я поняла, что ты не случайный прохожий, который просто встретился на моём пути. Твой взгляд, твой образ викинга сулил мне романтическое будущее, захватывающее и неповторимое. Пока ещё такое смутное приятно-волнительное рисовалось в будущем. Но, я уже в те минуты знала, что мы не расстанемся.

- Как же не расстанемся, если ты выходишь замуж?
- Сейчас выхожу, а я говорю о будущем.
- Ты меня обрадовала своим предвидением, потому что я очень хочу, чтобы мы были вместе.

* * *

Последняя ночь в колхозе – это шашаш. Никто не спит. За несколько дней до этого запаслись спиртным и вкуснятиной, за чем ходили в райцентр пешком за несколько километров. Володя боялся, что не сможет сдержаться и под действием спиртных паров начнёт приставать к Тале. Поэтому он ушёл играть в карты с ребятами на другую половину дома, где жил Карасенко (завзятый картёжник) и другие ребята. Каково же было его удивление, когда, вернувшись в свою комнату почти перед самым рассветом, увидел Талу, спящую на его кровати. Она спала на правом боку, согнув в коленях ноги и подложив руки под щёки. «Как младенец» – подумал Володя. То ли от ладоней, то ли от сюжета сна, слегка припухшие губы были немного выпячены вперёд. Не только позой, но и выражением лица она была похожа на спящего ребёнка. Такой безоружной он видел её впервые. Куда девалась её воинственность, напористость, непобедимость. Ему так захотелось прильнуть губами к её губам, но... ему это не позволено.

Ната, почувствовав его присутствие, открыла глаза. И тут он не выдержал, опустился на колени рядом с кроватью и безудержно, со всей силой скопившейся страсти, стал целовать глаза, лоб, щёки. Когда приблизился к губам, она спросила:

– Мне уйти? Ты будешь спать?

Это означало, что поцелуи окончены.

– Кто же уснёт, когда перед ним такая девочка?

– Не начинай. Ты же знаешь: у меня – другой.

– Как бы я хотел быть этим другим, быть на его месте. Как он тебя зовёт?

– Как все: Ната.

– Да, как же он может тебя звать, «как все»? Ты ведь вообще не «как все», а для него должна быть ещё и в миллион степеней возведена! А моя ты будешь Тала, талинка – проталинка... моя Тала, только моя, шептал он страстно, обцеловывая веки.

Ната затаила дыхание: «Неужели такое бывает на свете? Почему же Глеб так никогда не говорил, так никогда не целовал? Почему никогда не видела на его лице такого выражения, выражения безудержного наслаждения?» А Володя наслаждался, старался им заполнить всего себя, чтобы надолго хватило, и дорожил каждой минутой. Они разъезжаются, будут жить по разным квартирам, и встречаться только в институте на занятиях. Что-то ему подсказывало, что это самые дорогие минуты его жизни, и никогда больше у него не будет ничего подобного. Неужели ему не суждено быть с нею?! А он мечтал! Мечтал остаться с ней наедине, ласкать каждый её миллиметр, обволакивать лаской и негой, говорить ей такие слова, от которых бы кружилась голова и спирало дыхание. А как ему хотелось услышать от неё хоть одно ласковое слово... Не сказала, ни одного, только тембр и выдавал её. А каким бы он был в минуты близости?! Какая же она сильная. Как могла она всё это в себе держать, ведь он чувствует, что нравится ей? Эти две недели колхоза – всё, что у него есть в жизни. И хотя он очень надеялся, что она разберётся со своими чувствами и придёт к нему, где-то на задворках сознания чувствовал, что никогда этого не будет.

– Ну почему? Почему такая несправедливость? Когда я наконец-то встретил девочку моей мечты, не только полностью отвечающей моему идеалу, но ещё и зашкаливающую, она оказалась чужой. Нет! Не чужой! Родной, самой родной, но отданной другому. Кто же так поступил со мной? Судьба? Судьба, скажи мне, где же я найду другую такую? Да, собственно, мне и не нужна другая, мне нужна она, моя непревзойдённая Тала, Талик, Талюня, Талюничка.

– Остынь.

– Зачем, я же вижу твои глаза, я слышу биение твоего сердца. Оно бьётся в унисон с моим. Откажись, ведь свадьбы ещё не было. А бывает, что и в день свадьбы жених или невеста сбегают из ЗАГСа.

– Не могу. Я перевелась в другой институт, взбудоражила родителей, и мои, и его готовятся к свадьбе. Не могу. Это предательство. Я ведь его опозорю на всю жизнь.

Ната села.

– Я пойду в свою комнату, попытаюсь уснуть до отъезда. Может, сегодня в такой ливень и не поедем.

Он сел рядом, крепко прижав к себе. Уткнувшись носом в волосы, шептал:

– Я преклоняюсь пред тобой, пред твоим решением, решением человека с большой буквы и высоко ценю его и восхищаюсь твоей мудростью и силой воли, но... мне больно, очень больно... ну почему это происходит со мной? Когда ты прыгнула с машины и наши взгляды встретились, я вдруг ощутил, как из моей души льётся тепло. Я понял, что оно во мне было всегда, но затаившись, ждало момента. И вот этот момент настал. Тепло разливалось по всему телу и наполняло меня радостью, радостью от ощущения возможности им поделиться. Оно устремилось навстречу тебе и я, отдавая его, ликовал. Так вот почему мне не нравилась ни одна девчонка, потому что на свете была ты, которая должна была ко мне придти. Ты пришла.

– Где же ты был раньше? Почему не шёл мне навстречу?

– Я не знал, где ты. А почему ты не шла мне навстречу?

– Я тоже не знала, где ты.

– Удивительно! Ты из Новочеркасска перевелась сюда, чтобы выйти замуж за него, а встретила меня, того, кто ждал тебя все прожитые годы. Ты как-то сказала, что твоя душа со мной, а сердце с ним. Но так нельзя, нельзя, чтобы душа и сердце в разладе жили! Так у тебя ничего не получится!

– Во всяком случае, пока это так.

– Пока? Так, значит, у меня есть надежда?

– Может быть... время покажет.

Он подхватил её за талию, и закружил на месте. Его счастливый смех заполнил комнату. В нём было столько радости и силы, что Нате казалось, сейчас поднимется потолок, и безудержная радость его полетит далеко в небеса, оглашая их. Это было невероятно. Но невероятнее всего было то, что его радость передалась и ей, захлестнула лёгким приятным хмелем превосходства. Её превозносили, её обожествляли, её водрузили на самый высокий в мире пьедестал, пьедестал Любви. Ничего подобного не было с Глебом. Он вроде и любил её, но любил как-то тихо, безразлично, не одаривая комплиментами. Нет, комплименты всё-таки были, но они относились только к её уму, смелости и спортивной подготовке.

Володя поставил её на пол, продолжая держать в своих объятиях. Он её воспринимал по-другому. Он был счастлив. В Глебе Ната счастья от общения с ней не замечала. Она представила, как ЭТО бы было, случись оно с Клёсовым. И тут ощутила, как хмельное счастье, переполнявшее грудь, стало спускаться вниз, обретая крылья и трепеща. Оно пробиралось ниже, порождая неистовство, чего-то непонятого требовало от неё, требовало какого-то действия. Это было приятно и больно. Напряжение внутри неё нарастало, угрожая вырваться наружу. Впервые Ната не понимала, что с ней происходит, но понимала, что то, что внутри неё, неподвластно ей. Она, резко освобождаясь от его объятий, ушла, так и не ответив на его поцелуи. А так хотелось прикоснуться к жёсткому ежику темечка, но... она знала, что стоит только прикоснуться и оторваться, она уже не сможет... не найдёт в себе силы. Конечно, она не уснула и задавала себе тот же вопрос: «Ну почему, почему это всё происходит с ней?» На её лице ещё пылал жар поцелуев, душу жёг жар его слов, а внутри разливалась плазма чувств, собственных чувств, ослепляя и вознося. Она даже и представления не имела, что такое бывает, что такое может быть. Они больше года встречаются с Глебом, и от его слов не исходит тепло. Да он, собственно, очень редко что-то говорит... и уж не восхваленья. Он всегда ровно холоден: и в первые дни знакомства, и теперь. На его лице она никогда не замечала той бури чувств, которая только что пронеслась и делала несколько минут назад лицо Володи таким желанным. Она впервые узнала желание, почувствовала, каким оно может быть. Чувства женщины в ней ещё спали, и, как поняла, спали до сегодняшнего утра.

– Машина пришла, – заглянув в комнату, сказал Адик, – выходите.

– Крытая?

– Нет.

– А как же мы под дождём будем ехать два часа до города?

– Плащ-палатки дали. Укроемся.

Под навесом группировалось столько человек, сколько помещалось под плащ-палаткой. Володя подошёл к Нате, подтолкнул под полу своего плаща и повёл к машине. У него был военный плащ,

какой бывает у десантников (отец ещё с войны привёз). Он сел у самой кабины, где затишек, усадив Натю рядом. Прижавшись, обнял левой рукой, а правой держал соединённые внахлёстку полы плаща над головой.

– Вот так нас дождь не достанет. Мне главное, чтобы ты не простудилась. Дождь холодный. А мне ведь неслучайно в голову пришло « талинка – проталинка». Когда ты ушла, я вспомнил детский сон, который мне снился, когда я ещё дошколёнком был. Снился мне заснеженный косогор. Холодное небо и пробивающиеся сквозь тучи лучи к вершине косогора. Там на проталинке под лучами солнца паровала прогретая земля, а из неё выстреливали маленькие изящные зелёные листочки. Они быстро росли, набирая силы, разрастаясь и вширь, и высь. И вот проталинка засверкала изумрудом зелени с вкраплениями цветов разной окраски, а прямо с высоты, из воздуха появилась красивая в яркой одежде девочка. Была ещё зима, а на ней было летнее платьице. Её грел тёплый воздух, исходящий от земли, но долго в нём находиться она не могла, потому что вокруг ещё было очень холодно. Мы оба понимали, что она так скоро замёрзнет, и протянули друг к другу руки. Я пошёл навстречу, чтобы согреть, но проталинка не приближалась. Я шёл, но никак не мог дойти до этой девочки, а когда, наконец, приблизился и наши руки должны были сомкнуться, проснулся. И долго лежал потрясённый, сожалея, что так и не согрел замерзающую девочку. Несколько дней ходил подавленный под впечатлением этого сна. Мне было жалко и себя, и эту девочку. Постепенно сон забылся, и я никогда его не вспоминал, а утром вспомнил во всех подробностях. Значит, ты мне ещё в детстве снилась.

– И ты так и не согрел меня...

– Но это же во сне, а в жизни всё зависит от нас. Мы должны продолжить этот сон и соединиться. Он целовал шею, поднимаясь к мочке уха, потом опускался вниз, нашёптывая:

– Какая у тебя мягкая и гладкая кожа, словно шёлк. Ты создана для любви, ты создана для наслаждения и улады. Как же я хочу усладиться тобой и тебе дарить несказанное удовольствие. Я хочу, чтобы ты была моей и тебе отдаюсь безраздельно. Я весь твой. Возьми меня, властвуй надо мной, делай, что хочешь – я во всём подчинюсь тебе. Горячий воздух, слетающий с его губ вместе с шепотом, горячие прикосновения языка волновали её. Росло непреодолимое желание вскочить, и бежать прямо под дождь, в степь, простирающуюся за обочиной дороги. «Бежать... бежать!» – стучало в висках.

– Я схожу с ума от запаха твоего тела, от тепла, которое от него исходит и пеленает меня. Я знаю, что я всегда буду помнить эти первые прикосновения. Я сохраню их в памяти своей на всю жизнь. Что бы со мной ни произошло, где бы я ни находился – это будет во мне. Никакие другие прикосновения не затмят эти, не сотрут их из памяти.

Ната задыхалась от наплыва чувств, и попыталась хотя бы отодвинуться от него, насколько это было возможно в битком набитом кузове.

– Не надо, не уходи, продли эти неповторимые минуты. Будут другие минуты, но эти – первые, и они никогда не повторятся, как ничто не повторяется в мире. Может быть, мы больше никогда не будем ехать из колхоза, больше никогда не будет лить дождь, и мы никогда не укроемся от всех под моим плащом. Как же я благодарен этому мелкому холодному сентябрьскому дождю за то, что он мне дал такую возможность прикоснуться к тебе, изведать такие чувства, которые не посещали меня раньше. Это что-то необыкновенное, потрясающее. И я знаю, что никакая другая девочка не сможет дать мне то, что даёшь ты. Я был равнодушен к девочкам, пока не увидел тебя. Там, на кукурузном поле ко мне с небес спустилось счастье. Да, счастье! И только ты способна мне его дарить.

А какое счастье для неё было слышать его, ощущать его прикосновения. Тело млело от неизвестной ей до сих пор истомы. Да, она тоже сходила с ума, сходила с ума только от одних его слов, от нежности, звучащей в голосе, и удивлялась, что такое бывает. Но она не имеет на это права, она должна отказаться от этого. А он шептал на ухо: «Ты самая лучшая девочка на свете»! Большинство ребят и две девочки жили в общежитии на студгородке. Вся группа решила ехать в общежитие, потому что дождь ещё лил как из ведра. Уже договаривались, кто из местных у кого будет ночевать, а утром разъедутся по домам.

– Я не поеду, – сказала Ната. – Мы будем проезжать недалеко от моего дома, и я выйду на Ждановской развилке.

– Талинка... проталинка, ты моя судьба. Ты моя первая любовь. Поехали в общежитие. Я столько лет ждал тебя...

Тепло его тела, прикосновение языка и губ волновали её и вызывали незнакомое до сих пор ощущение. Оно властвовало над ней, и способно было толкнуть на безрассудный поступок. Это пугало её. «А что, если у неё к каждому мужчине, который обнимет её и оближет мочку уха, будут такие же чувства и она не сможет с ними справиться? Нет! Нет! И ещё раз нет! Она встанет на развилке и пойдет домой».

Машина неумолимо приближалась к городу. У неё не хватало сил прервать его сладостные признания, и всё-таки, собрав всю силу воли, сказала:

– Мне скоро выходить. Полуторка как раз подъезжала к бульвару им. Ивана Франка, который являлся продолжением их улицы.

Когда она повернулась, чтобы постучать в крышу кабины водителя, Володя с отчаянием прошептал:

– Ты ведь пожалеешь об этом.

– Если пожалею, я тебе обязательно скажу, – произнесла она, уже стоя на земле и Володя, конечно, не услышал этих слов.

Но она не забыла их и всегда помнила. Спрыгнув, быстро пошла вперёд, твёрдо чеканя шаг. Она уходила в дождь, унося с собой сладость слов и жар поцелуев. Дождь остужал тело сверху, а внутри всё горело от того пожара, который зажгёт Володя. «Льдом, льдом, ледяным крошевом надо засыпать всё это, чтобы оно никогда не возгоралось».

Капли дождя смешивались со слезами. Она слизывает их и твердила: «Никогда, никогда ты не подпустишь его ближе, чем на метр, никогда не прикоснёшься к нему ни рукой, ни ногой, ни телом. Приближаясь к дому, она уже почти бежала.

– Кто за тобой гнался? – спросила бабушка.

– Прошрое.

– Ты так говоришь, как будто прожила сто лет и уже древняя старуха.

– Прошлым может быть и то, что было минуту назад.

Поняв, что у внучки случилось что-то неординарное, не стала допрашивать. Секретов у них никогда не было, и она знала, что рано или поздно Ната всё расскажет.

* * *

После колхоза у студентов был один день, чтобы подготовиться к занятиям, и все были заняты приготовлениями. Так как Глебу всё приготовила мама, и он был освобождён от этих забот, решил проехать в общежитие к Володьке Чеглову, а вечером с ним к девчонкам. Чеглов до института подрабатывал сварщиком. Его забрали в другую бригаду сваривать какие-то баки, и они не виделись две недели. Ната и Света дружили со школьной скамьи и жили на одной улице. Мальчики познакомились вместе в один день с ними. Так и стали ходить четвером. Любил ли Глеб Натю? И да, и нет. Иногда он сомневался в своих чувствах, иногда был уверен. Но всё как-то вело к тому, что не мог ей сказать «нет». То они праздники отмечали всей компанией, то на каток шли, то в поход. Ему нужна была пара, а она была подругой невесты его друга. И компания уже «устаканилась». Всё как-то шло само собой. Итак, он не был от неё без ума, просто был не против. Так сыграли обстоятельства. Она перевелась из Новочеркасска в Донецк, чтобы они поженились и вдруг... ему сказали, что она в колхозе «путалась» с Клёсовым. Кипя от негодования, ворвался в их комнату.

– Где Клёсов, – завопил угрожающим голосом.

– Ты чего кричишь, как жареный поросёнок? – спросил Жора. – В магазин пошёл. Сейчас придёт. А ты что, разбираться пришёл, судя по твоему тону?

– А-а! И ты знаешь? Говори, они спали вместе? – выпалил, хватая Жору за шиворот. – Только не ври. Узнаю, что соврал, – убую.

Жора выпучил на него глаза.

– Ты что с ума сошёл? Кто они?

– Не придуривайся! Володька и Натка!

– А, так это ты тот мальчик, из-за которого она отказала Володе? О-очень, я вижу, ты уважаешь свою будущую жену, если такое допускаешь.

– А откуда ты знаешь про будущую жену?
– Володя в неё влюбился, чего греха таить. Но она ему сразу сказала, что у неё есть мальчик, которого она любит и за которого выходит замуж. Так что Володе остаётся только вздыхать.
– Не ври! Мне сказали, что они по ночам гуляли.
– Да... кто же такое мог сказать? – удивился Жора. – А знаешь, это, наверное, сказал тот, кто Клёсова жалеет, видя, как он сохнет по ней, и хочет тебя с Наткой поссорить, чтобы она ему досталась.
– Во, – только и произнёс Глеб. Для него была неожиданна такая версия сюжета. «А если это правда, а он, дурак, завёлся...» Это остудило его пыл. Он сел за стол в раздумье.
– Привет! А мне сказали, что вы тут ссоритесь. Что не поделили? Или уже поделили? – спросил Клёсов, входя с авоськой в руках, в которой болталась стеклянная литровая бутылка молока, пачка сливочного масла, белый батон и докторская колбаса.

Жора и Глеб посмотрели друг на друга, как бы предлагая начать разговор. Но ни один, ни другой не раскрыл рта.

– Так в чём вопрос?
Глеб начал осторожно, учитывая версию, озвученную Жорой:
– Мне сказали, что ты влюбился в Нату.
– Пусть так. Тебе какое дело до этого?... – помолчав, догадался – или ты тот мальчик? Глеб, так это тебя она любит, это вы собираетесь пожениться?

– Да.
– И что? Ты пришёл сказать, что отказываешься от неё? – обрадовался Клёсов.
Видя, какой радостью засияли глаза, Глеб понял, насколько глубоки чувства парня.
– Нет, пришёл узнать, какие у тебя с ней отношения.
– Для меня она – всё: Луна, Солнце, Звёзды, Принцесса, Королева, Богиня. Я не просто люблю её, я боготворю её. Чистая, благородная, преданная натура! Таких нет среди нас... тебе досталось золото мира. Как же я завидую тебе, как же я хочу оказаться на твоём месте, чтобы иметь возможность прикасаться к ней, целовать, обнимать, говорить ей ласковые слова. Я лишён такого счастья! Она любит тебя... и с этим ничего не поделаешь. Она в первый же вечер нашего знакомства сказала мне об этом, а могла ведь и промолчать и собрать сливки моей первой любви. Она поступила благородно, и на все мои даже безобидные поползновения выставляла ладонь запрета. Он выставил вперёд руку, ладонью изображая жест запрета, показывая, как поступала она и, как будет поступать он, сопровождая свой жест словами. – Я никогда не встану на вашем пути, не перебегу дорогу. Но я буду ждать... ждать, когда она сама ко мне придёт, если поймёт, что ошиблась в выборе или ты её оставишь.

– Я не оставлю её, – сказал Глеб и вышел из комнаты.
Володя задумался: у него достойный соперник и борьба предстоит нелёгкая.
– Твёрдый орешек тебе попался, – посетовал Жора. – Он Натку не отдаст и никогда не отпустит от себя. Такие держат своих женщин при себе, даже если не любят. А Натка – приз.
– Что, даже ты признал, что она приз?
– Приз то приз, но я всё равно её недолюбливаю за то, что она тебе всю жизнь перепоганила.
– Разве она виновата, что я полюбил её?

В студенческой среде Глеб выделялся молчаливостью, неординарностью суждений, широким кругозором. Он говорил не много и не часто, можно сказать, что он вообще больше молчал, но в каждой его фразе был заложен глубокий смысл. Его уважали на потоке и называли башковитым, хотя отличником он не был. Все знали, что он любого отличника за пояс заткнёт. Неудивительно, что он понравился Нате. Некоторые его даже странным считали. Но что он не такой как все, понимали не только на потоке, но и на всём факультете. Не такая, как все и Ната. В этом отношении они «два сапога – пара», но два разных сапога... совсем разных.

* * *

В сложившихся обстоятельствах возможным общением с Натой оставались только взгляды. Она входила в аудиторию, бросала на него взгляд, и солнце взрывалось и рассыпалось яркими брызгами, а он шептал: «Солнышко ты моё». Её глаза теплели, и она отвечала лёгким прикрытием век. Иногда он срывался. Ему не удавалось устоять на позиции нейтралитета и проявлять к ней равнодушие, и он, оказавшись один на один в переходах между аудиториями, целовал мочку уха и шептал заветное:

«Солнышко ты моё». Он читал в её глазах любовь, в то время как губы были плотно сжаты, не проронив даже и намёка на звук. Они вздрагивали от напряжения, настолько плотно были сжаты, чтобы из них не вырвался ответ. Он видел, как трудно ей удержаться от порыва нахлынувших чувств. И этого ему было достаточно, достаточно только на одно мгновение. Понимал, что долго не выдержит такого напряжения, но ничего другого не оставалось. Остатки дня после лекций проживал в предвкушении завтрашней встречи. Рисовал картины «перехвата». Но где? Они всё время на виду. Спрятаться никуда невозможно. Он знал каждую её минуту, он следил за ней, чтобы в любой возможный момент оказаться рядом. Но такая возможность бывала очень и очень редко. Иногда он думал, что для Наты это просто игра, потому что другого объяснения нельзя найти для её поведения. Но когда он утопал в жёлто-зелёном взгляде раскосых глаз, не сомневался в её искренности.

* * *

Ната ожидала заведующего кафедрой металлографии. Занятия уже окончились, и корпус был почти пустой. До конца перерыва оставалось полчаса. Чтобы скоротать время ожидания, повернулась к окну, разглядывая деревья, небо и, как всегда, сочиняя причудливые сюжеты. Подумала: «Странно. Я одна в пустом коридоре и Володьки нет. Он такие моменты не ...» не успела она додумать, как почувствовала лёгкое прикосновение губ в месте сопряжения линий плеча и шеи, поднимающихся к уху. Всё в точности так проделывал Клёсов, когда они ехали из колхоза. Это его повадка. Глеб так не делает. Ему это никогда и в голову не приходит. Тёплые, слегка влажные поцелуи, чуть щекотали и возбуждали. Она резко повернулась к нему лицом, и оказалась зажатой между ним и подоконником. Володя молчал, но глаза его кричали: «Пойдём, пойдём отсюда!» Ната опустила глаза, не выдерживая этого крика:

- Не могу! Никогда не проси меня об этом.
- Это ведь выше нас. Подчинись.
- Уйди, прошу тебя.

Но он обнял за талию, прижимая ещё крепче к себе. У Наты перехватило дыхание, и судороги сковали низ живота. Мелкая предательская дрожь прошла по телу.

- Ты единственная желанная и всегда... всю жизнь будешь ею... будешь принадлежать только мне.

По тому, какими глазами он на неё смотрел, она поняла, что ночь бы у них была жаркая... если бы была...

- Я замужем.

– Ну, и что? Это самая большая твоя ошибка. Рано или поздно ты это поймёшь и исправишь её. Да, ты и сейчас в эти минуты понимаешь это, иначе бы не было сумасшествия в твоих глазах.

Он вытащил из кармана брюк маленькое зеркальце:

- Посмотри, кого любит Тала... а замужем Ната.

На неё смотрели глаза влюблённой женщины.

- Уйди от него. Не знаю, что вас связывает, но ты не его, ты моя.
- Пусть разговор на эту тему будет последним между нами.

Она резко оттолкнула его, и быстро пошла по коридору. Володя хотел пойти за ней, но услышал шаги, и понял, что кто-то поднимается по лестнице. Он отвернулся к окну, чтобы не увидели его возбуждённого лица. Только после того как идущий зашёл в кабинет и затворил за собой дверь, ушёл и он.

* * *

Преддипломную практику Клёсов проходил в Сумгаити, а Ната – в Донецке. Света послала телеграмму Чеглову: «У Наты и Глеба родилась дочь». Клёсов, придя со смены, увидел её на столе. Ребята организовали стол.

- Садись с нами, обмоем дочку Глеба.
- Сейчас. Мне надо...

Он выскочил из комнаты. Откуда дочь? Какая дочь? Почему Тала мне не сказала? Щемило обидой сердце и рвалось в части отчаянием. Всё кончено! Она теперь никогда с Глебом не разведётся! Он потерял её навсегда. Он бежал к морю, но ноги не слушались его. Огромная глыба, тяжёлая глыба, свалившаяся на него, прижимала к земле, не давала возможности оторвать ноги от песка. Он

упал. Его желанием было утонуть, но у него нет сил добраться к воде, нырнуть в волны, спрятаться от всех, никого не видеть. Никто не поймёт его боль. «Обмоем дочку»! Они меня приглашают обмыть мою смерть: с её рождением умерла моя надежда, и умер я сам. Никогда ничего подобного он не ощущал. Даже тогда, когда Тала сказала, что у неё есть другой. Тогда оставалась надежда. Сейчас её нет! Нет больше у него надежды! Зачем жить?

* * *

Глеб принёс в роддом телеграмму из Сумгаита: «Поздравляем дочерью желаем здоровья долгих лет жизни. Чеглов и другие». Значит, Володя знает. Как он там? Как перенесёт это известие? Она так и не решилась ему сказать о том, что ждёт ребёнка. Не смогла, потому что представляла, какая боль будет в его глазах. Рождение ребёнка отодвинет их мечту соединиться на долгий срок. Ната, выросшая без отца, ещё ребёнком поклялась, что будет терпеть любого мужа только ради того, чтобы её дети росли с отцом. Не хотела раньше времени сообщать ещё и потому, что сначала надо родить. Родила преждевременно с маленьким весом и недоразвитым организмом. Он знает. Там, в далёком Сумгаите ему будет больно, но здесь было бы ещё больней. Пока вернётся с практики, боль немного утихнет.

* * *

Свадьба Светы и Чеглова состоялась сразу же после защиты им диплома. Собрались в кафе на пересечении улицы Артёма и пр. Титова. Свадьба есть свадьба. Веселились, пели, танцевали. Был и Клёсов, которого Ната теперь почти не видела. Дипломы писали по домам. Собирались только на очередную защиту, чтобы поддержать ребят. На свадьбу были приглашены девушки из пединститута. Они держались в стороне, и в той стороне был и Клёсов. Ната было подумала, что он завёл себе подружку, и так на душе стало больно. А чего болеть? Сама отвергла и надеялась, что он всю жизнь по ней вздыхать будет? И вдруг... идёт Клёсов с двумя огромными фужерами, а в них искрится шампанское. Протягивает один фужер ей со словами: «Я хочу выпить за то, чтобы повторилась последняя ночь в колхозе!» Пригласить на брудершафт он, конечно, не отважился. Выпили так, глядя друг другу в глаза. Но что это был за взгляд!

Начались танцы. Володя стоял в стороне и в танцах не принимал участия. Но на «Белый» танец, когда девушка приглашает кавалера, пошёл, потому что нельзя отказывать. Ната впервые увидела, как он танцует. Неплохо, элегантно, даже, можно сказать, деликатно. И, как же ей захотелось с ним станцевать. «Крышу» срывала мысль: «Приглашу на «Белый танец»! Один раз в жизни! Разъезжаемся ведь и, может, больше никогда не увидимся!» На следующий «Белый» танец к Клёсову ринулись одновременно Ната и та девушка, которая его уже приглашала. Но он видел только Нату. Девушка уже стояла возле него, приглашая на танец, а он ждал, когда подойдёт Ната и даже сделал шаг ей навстречу. Все обратили внимание на этот конфуз, но металлурги знали, почему он так поступил, а педики, так коротко звали студентов пединститута, не знали и возмущались. Приглашая, она посмотрела ему в глаза и, не выдержав их ошалелого взгляда, опустила свои. Они оба дрожали, но это была очень мелкая дрожь, не заметная для других, скорее, внутренняя, чем наружная.

– Посмотри на меня. Я хочу видеть твои глаза.

Ната подняла глаза.

– Я люблю тебя, – прошептал Володя.

– Я люблю тебя, – ответила Ната.

– На всю жизнь.

– На всю жизнь.

– Ты самая лучшая.

– Ты самый лучший.

Напряжение нарастало. Его рука, лежащая у неё на пояснице, горела огнём, и зажигала всё внутри. Это был фокстрот, и Ната, сделав шаг в сторону, отчего соскользнула его рука с поясницы, подхватила её, оставляя вторую в его ладони, и начала отбивать степ. Держась, то за обе его руки, то за одну, выписывала вокруг него такие кренделя, что публика опять, как и тогда, когда она исполняла первое танго со Сныковым, расступилась. Володя же продолжал танцевать фокстрот, а она вписывалась в его ритм и рисунок. По окончании танца подошёл Глеб:

– Ты же обещал не делать первого шага навстречу!
– Не в танце – парировал Клёсов и поцеловал Натю руку. – Благодарю за чудесный танец.
– Bravo! Молодцы! Станцуйте ещё! – кричали со всех сторон.
– Пошли домой, дочка ждёт! – скомандовал Глеб.
– Не уходи, станцуй!
Ната пожала плечами: не могу, подчиняюсь мужу и семейным обстоятельствам. И они ушли.

* * *

После защиты дипломов все разъехались по направлениям. Глеб, защитивший диплом на отлично имел право выбирать направление. Он выбрал Донецк, и Ната, как его жена, тоже осталась в Донецке. Клёсов получил направление в Ворошиловград. Шли годы. Парень из параллельной группы часто бывал в командировке в Ворошиловграде и видел Клёсова. Совершенно случайно встречал и Натю. Он-то и сообщал ей, что Клёсов мотается на мотоцикле и ждёт, когда она разведётся с Глебом и придёт к нему. Ната, как и поклялась, терпела пьянку и скандалы. Она развелась только тогда, когда подросшая дочь сама её попросила об этом. Как и обещала себе, поехала в Ворошиловград, чтобы сказать Клёсову, что жалеет о том, что не поехала с ним тогда в общежитие.

* * *

Так как она не знала ни телефона, ни его адреса, решила ехать прямо на завод. На проходной представилась сокурсницей и попросила пригласить Клёсова. Ему прозвонили и ей предложили подождать. И вот первые минуты встречи. Но в двери показался не викинг. Она удивилась разительной перемене в его облике, словно с него спало покрывало романтизма. Перед ней стоял не предводитель таких же отчаянно-благородных сорви-голов, как и он сам, а обыкновенный обыватель. Потух человек. Сник. Остался пепел. «Пойдём ко мне домой? У меня сыну скоро год».

Волновалась ли она, ведь прошло столько лет? Конечно, волновалась и радовалась, что, наконец-то, она будет с Володей. Ей и в голову не приходило, что он мог жениться. Как же? Он, ведь её ждал столько лет? 10 лет! Такого быть не может. И его слова: «У меня сыну скоро год» перечеркнули всё, что было до них и будет после них. Всё теряло смысл.

Он увидел, как в её глазах метнулись боль и отчаяние: «Как ты мог?» Но вопрос застрял в горле, сведённом судорогой. Больше всего на свете он боялся этого вопроса, потому что на него не было достойного ответа. Да, он предал свою любовь, и этому не было оправдания. Чтобы этот вопрос не прозвучал, он без умолку говорил. Говорил обо всех однокурсниках, о всяких мелочах, о которых не говорят при таких встречах. Он не так должен был встретить любовь своей жизни, не об этом говорить с ней. Ната была обескуражена. Они ехали на вокзал, потому что ей надо было взять обратный билет, чтобы располагать временем.

И когда она уже стояла в поезде, а он медленно отъезжал, в его глазах вдруг мелькнула догадка, и вдруг такое тепло излучилось из них:

– Ты зачем приезжала?

– Поезд уже ушёл! Это крылатое выражение соответствовало реальности. Поезд осторожно набирал скорость. Позади оставались постройки, платформа и те, кто на ней стоял. Отодвигался вдали и Володя. Она не плакала. Глаза были сухие. Плакала её душа, изливалась горячими слезами, по несостоявшемуся объединению. Обычно говорят по несостоявшейся любви. В последний момент в его взгляде засияла любовь, и она поняла, что любима. Любовь то как раз у них состоялась, только не получалось быть вместе. Может, оно так и лучше, – пыталась себя убедить. Суждено, наверное, им любить на расстоянии: пронести чувство чистым, не запятанным грехами, обидами, проступками, которые сопровождают земную жизнь. Ни один человек не сможет прожить, не согрешив, вольно или невольно. И все-таки она надеялась, что он приедет, чтобы продолжить неоконченный разговор, чтобы услышать ответ на свой вопрос. Но это будет только встреча. У него растёт сын, и он, конечно, его не оставит. А это значит, что она потеряла его навсегда. А, может быть, они соединятся, когда вырастит сын? Тогда им будет уже за пятьдесят. Пройдут самые лучшие годы... мысли начали выстраиваться в строчки.

*Когда висков мазком коснулась старость
И ничего мне в жизни не осталось,
Совсем случайно, в сутолоке дня,
На повороте ты настиг меня.*

.....
*Теперь твой взгляд совсем-совсем потух,
И дрожь видна состарившихся рук...
Мой идеал! Ирония судьбы!
Подвластный ей, ко мне приходишь ты.*

Не зря в это стихотворение в рифмы впутались звёзды. В их первый вечер он таки подарил ей все звёзды ночного неба от горизонта до горизонта. Она до сих пор их держит в ладонях и помнит кожей прикосновение его рук, раскрывающих её ладони и сыпающих в них пригоршни звёзд. Это стихотворение оказалось пророчеством, а, может быть, тогда в поезде под мерный перестук колёс, она и предначертала их судьбу? Скорее, почувствовала. Ей было грустно и одиноко, в придачу ещё и в поезде было холодно и неудобно. Без него ей было и будет всегда неудобно. Но все эти годы согревала надежда на встречу. Это выбрала она сама, и пенять ей не на кого. Так сложилось.

* * *

Поезд медленно отъезжал, набирая скорость. И вдруг он осознал: «Она пришла! Конечно же, пришла к нему, а он уже не может её принять: у него – сын. И она это поняла! Он не мог поверить в то, что она пришла к нему. Он верил и не верил... ухоженная, элегантная, великосветская дама! И ни слова упрёка, только глаза, глаза, наполненные болью, хоть и видел он всего ничего, но запомнит на всю жизнь. Только мгновенье, когда, глядя на него, сказала: «Поезд уже ушёл». Он смотрел вслед поезду и понимал, что в нём уезжает его надежда, уезжает навсегда. Если он до сих пор жил надеждой на встречу, хотя и не часто об этом вспоминал, обременённый повседневными заботами, то теперь он её лишился. Он настолько свыкся с этим состоянием, состоянием ожидания встречи, – и не просто встречи, а её возвращения в их мир, в тот мир, который они создали много лет назад, что считал его неотделимой частью своего Я. Эту часть он сегодня потерял. Клёсов сжал кулаки от отчаяния и злости на самого себя за то, что не понял причины её появления, рассказывал всякую чушь. Да ещё и боялся её вопроса: «А как же твоя любовь на всю жизнь?» Боже, какой же он дурак! А она пришла, всё-таки пришла! И это теперь будет утешением его жизни. Догнать! Всё выяснить! Зачем? И так всё ясно, и изменить ничего нельзя. Сына он не оставит и не предаст.

* * *

На один из очередных юбилеев собралась группа в кафе «Калина». Ребята приехали из других городов. Ната ждала Володю. Но Жора сказал, что у него плохо с ногами, и он, скорее всего, не приедет. Так и получилось. Судьба им не подарила встречу, а без него вечер был тусклым, хотя все восхищались её красотой. Она прождала его весь вечер, надеясь, что он появится вот-вот, но... он так и не появился. Она очень изменилась за прошедшие годы. После того, как покинула студенческую скамью, много внимания уделяла своей внешности, поэтому, несмотря на прибавленные годы, изменилась в лучшую сторону. Желание увидеть его больше разгорелось после этого вечера. Кроме того, она думала о его ногах. Что с ними? Не может у такого спортивного парня, физически сильного «что-то» быть с ногами. Она взяла у Саши Потёмкина адрес и телефон Клёсова. Несколько раз звонила и по автомату, и через междугородку. Отвечали: «Квартира не Клёсовых». Пару раз писала письма – ответы не приходили. После сна в Затоке телефон искала через справку. Давали всё тот же номер. Номер опять отвечал: «Нет». Адрес искала через адресный стол, сообщали тот адрес, который у неё был. Она чувствовала, что нужна ему, но найти его не могла. Жила воспоминаниями, понимая, что он её любил так, как это редко бывает. Сожалела, что сама отпустила его, и вернуть уже невозможно. Но счастье тех дней, когда они были вместе, не исчезло. Оно приютилось в сердце и грело, когда околевала под стынью обстоятельств, оно скрашивало одиночество мыслью, что есть на свете человек, который любит её. И ждала, ждала, что он вот-вот появится.

У Володи, как и в жизни каждого мужчины, была женщина, которую он не мог забыть. Он вспоминал о ней каждый раз с нежностью и теплотой, с непонятной грустью. У него уже была семья, налаживались отношения с Алей, рос сынишка, но Талу он так и не мог забыть. Первую любовь забыть невозможно. У него она оказалась и последней. Не было в его сердце любви к жене. Уважал как мать сына, в котором души не чаял. Он и назвал его Сергеем, как Тала хотела назвать своего сына, но у неё родилась дочь. А вот ему подарили сына. Вся его жизнь, все его помыслы были сосредоточены на нём, но Тала имела особое место в его душе, вернее, чувство к ней. Она изменила всю его жизнь. Первое чувство – самое чистое и наивное. И пусть даже иллюзии и мечты не оправдали надежд, но именно она пробудила в его сердце первые чувства – самые светлые и чистые, самые нежные, и ради её улыбки, ради её лучистого взгляда он был готов горы свернуть и повернуть вспять реки. Она научила его любить по-настоящему.

Кем она для него была? Несомненно, королевой. Таких, как она – больше нет на всём белом свете. Она захватывающее существо из другого ошеломляющего мира. С первой же минуты покорила его, впечатлила, притянула к себе, и не отпускает вот уже сколько лет. Её независимая, свободолобивая натура неподвластна никому: ни Глебу, ни ему, и жила она по собственным правилам. Плохи они или хороши, не ему судить. Он мог только их принимать и соглашаться со всем, что она делает. Он никогда не хотел её изменить в угоду своим интересам. Напротив, он желал, чтобы она оставалась такой, какой она есть, потому что она – потрясающая! В памяти остались чувства к этой маленькой необычной девочке, а действия со временем опустились в глубокие закрома памяти.

Когда Клёсов не смог ходить, он впал в панику. Жизнь кончилась. Кому я, инвалид, теперь нужен? Что я могу, лёжа в постели? Я не могу заработать для семьи деньги, я не могу помочь по хозяйству. Я – обуза! На мои лекарства надо больше денег, чем у меня пенсия. Теперь я могу думать только о смерти. Что полезного я сделал за свою жизнь? Воспитал сына. Этого достаточно, чтобы оправдать своё пребывание на Земле? Сомневаюсь.

Он годами лежал безучастный к тому, что происходило за окном. Он давно себя приучил ничего не вспоминать. Забыть! Всё забыть! Забыть тот цветущий, звучащий, полный движения, чувств и оптимизма мир! Всё оставить в прошлой жизни. Всего на миг он попал в тот мир и не смог в нём удержаться. Теперь всё по-другому. Теперь всё серо, монотонно. Не надо мучить себя воспоминаниями и страдать. Надо смириться и принять этот, который его окружает. Так будет всегда: бесцветный молчаливый день, бессонная ночь.

И вдруг – телефонный звонок! Звонила Тала! Он чуть не выпрыгнул из постели, но жена уже подносила ему телефон. Он не соображал, что говорит. Это было невероятно! Тот же голос, чуть низковатый, с несколько менторской интонацией, которая всегда сквозила в её разговорах. И это не потому, что она поучала или хотела показать своё превосходство. Эта интонация была дана ей от рождения, как отметина, что она над всеми. Это был взрыв Вселенной! Великая Революция! По-другому он не мог назвать этот звонок. Он сегодня снова живёт, снова дышит! Он даже уловил пряный аромат, разомлевшей под солнцем степи! Как же давно он там не был! Он снова переместился на Землю из того неприкаянного, серого, холодного, жуткого мира, в котором завис. Звонок! Всего навсего звонок! – смог вернуть его на Землю, пробудить чувства и воспоминания.

Когда она положила трубку, не мог даже вспомнить, о чём они говорили, всплывали в памяти только отдельные слова. Она нашла его! Непостижимо! Зачем? Чтобы увидеть калеку, дряхлого старика? Вот к ней бы он побежал, но уже поздно – не добежит. За 10 лет болезни он превратился в немощного старца. Она что-то говорила о встрече, но он испугался: предстать перед нею в таком виде... Нет! Никогда! А вот сайт, на котором он сможет её увидеть теперешнюю, записал. Он попросил сына найти этот сайт в интернете.

Когда Клёсов увидел Талу по интернету, ему не верилось, что эта почтенная дама в той далёкой молодости смотрела на него влюблёнными глазами. Он никак не мог представить тоненькую гибкую Талу в этой упитанной женщине. Накладывал на изображение на мониторе оставшийся в памя-

ти образ Талы, но они не совмещались. Они были разные. Но ведь эта женщина была той молодой и летящей. А ведь он первый слышал её стихи, и она ещё просила: «Никому не говори. Это и никакие совсем не стихи, а всплески моих эмоций». У неё ещё тогда получалось отлично, и он ей говорил об этом. Что заставило её сейчас позвонить? Хотя говорила, что много раз звонила, но ей отвечали мужским голосом... неужели сын? кто же ей отвечал? Да что теперь разбираться! И письма её к нему не доходили. Если звонила и писала – значит, любит до сих пор?!

Её морщинки горечью откликнулись в его сердце. Она была уже пожилая женщина... симпатичная. Просматривались те же азиатские черты. Эту женщину он не знал, но это была его Тала. Если бы встретил на улице, не узнал бы. На всём её облике лежала та же печать необычности, которая всегда отличала её от толпы. И эти морщинки – следы времени и мужских обид. Он тоже считал себя виноватым, потому что смалодушничал, не настоял на своём, ведь знал же, что в её сердце горит уголёк, предназначенный ему, засыпанный золою. Надо было раскопать ту золу, разбросать её по сторонам, чтобы язычки пламени вырвались наружу, осветили то, что скрывалось под золой, и взвились в самое поднебесье. Ведь чувствовал, что было что-то, что останавливало её. Почему не вызвал на откровенность, не докопался до её тайны? Конечно, если она была связана данным ею обещанием, и её порядочность и благородство мешали ей нарушить данное слово, он не мог заставить её поступить иначе, потому что сам был хозяином своего слова. Но он не хотел даже вида показывать, что догадывается о её тайне, не хотел ставить её в неловкое положение. Ждал. Ждал, когда она расторгнет брак. Он был уверен, что этот брак будет недолгим, и не дождался. И поезд его пошёл под откос. Как же казнил он себя, обращая мысленно к любимой: «Мне всю жизнь было холодно и неудобно, потому что не было тебя рядом со мной. Иногда мне удавалось скрыть мою тоску, загнать её под самый спуд, придавить суетой будней. Но стоило только немного ей притупиться, а мне чуть-чуть позабыть о ней, как она выскакивала, словно чёрт из табакерки, резанув острым лезвием сожаленья по сердцу. И оно сочилось кровью, давило в груди, не хватало воздуха, нечем было дышать, и слёзы подступали к глазам. Ну почему? Почему ты тогда не осталась со мной?»

* * *

Володя попросил сына распечатать реферат, и читал его несколько раз, возвращаясь к тем или другим поэтическим строкам и выводам автора реферата. Читал: «...она словно посвящена в высшую истину, знает определённо, что человек, распавшийся на атомы, нейтроны, протоны, понесёт новым поколениям знания об уже достигнутом в науке, что процесс этот бесконечен – и в этом, я думаю, оптимистическое начало в её поэзии, в отношении к жизни, к людям...» *Значит, не бессмысленна моя жизнь, и я принесу пользу человечеству, передам приобретённые знания и свой жизненный опыт.* У него изменилось настроение и отношение к своему состоянию. *Если я мог только предполагать, то Тала это знает наверняка. И всё это присутствует в её мыслях, разговорах, действиях. Смог ли бы я всё понять? Не мешал ли бы ей? Может, поэтому меня и не допустили к ней? Оставили её одну, чтобы никто не мешал ей творить? Спасибо ей. Главное мне сказала: что уходя из этой жизни, снимая с себя устаревшую оболочку, я сохраню свою личность.* И хотя он сомневался, но в памяти осталось, что они отлично ладили и понимали друг друга.

* * *

Клёсов любил свою жену, но как-то по-другому. Не было у него к жене той затопляющей нежности, способной поглотить его всего без остатка, не было того сумасшедшего желания обладать. А к Тале было и тогда, когда он только с ней познакомился, и теперь, когда состарился. Жизнь прошла, а чувство не прошло, и более того, не рассеялось по годам и невзгодам, а осталось таким же сильным, таким же жгучим, с тем же молодым накалом, как и много-много лет назад. Непреодолимое желание услышать её голос подтолкнуло руку к телефону.

– Чем занимаешься?

– Любуюсь садом и зимней ночью. Красиво. Фиолетовая ночь и белый снег, испещрённый чёрными штрихами ветвей. А между ними, кружась, медленно падают лапастые снежинки. Сугробы поднялись так, что покрыли прошлогоднюю стерню. Такое впечатление, что сад утопает в пушистой вате. Сколько же красоты Творец посылает на Землю, чтобы ею очистить наши души и подарить нам такие вот минуты наслаждения. Избушка в заснеженном лесу. И в очарование зимнего леса влива-

ется твой голос, твой тембр. Я всегда наслаждалась, слушая его. Как же мне его не хватало... а ты чего не спишь по ночам?

– Для меня сейчас день с ночью перепутался. Колют обезболивающие, а они со снотворным. Ты перед окном сидишь? Просто так сидишь и любишься? А я давно уже не смотрю в окно.

– Да. Просто так сижу и люблюсь. Это бывшая маленькая спальня, а я из неё кабинет сделала. А когда-то в ней под трубой стояла моя детская кровать.

– А большая?

– В большой – библиотека.

– Это родительский дом?

– Да. Это дом бабушки и дедушки по маме. В нём прошло моё детство. Он мне очень дорог. Здесь мои чаяния, мечты. В этом дворе я познавала жизнь, приобретала первый жизненный опыт, росла с пяти лет и до семнадцати. Потом в институт поступила, а потом опять вернулась. Это ты уже знаешь.

– Понимаю тебя. Мне тоже очень дорог наш дом в Дебальцево. Как быстро пролетела жизнь. Мы состарились. Одна утеха – сын и внук, но я им давно уже не помощник... Я рад, что у тебя всё хорошо: красивый сад, любимый дом и любимая работа. Желаю тебе вдохновения. Спокойной ночи!

– И тебе спокойной ночи!

* * *

Когда в Затоке он явился к ней во сне и просил о помощи, шёл 2004-й год. У Наты было такое ощущение, что это и не сон был вовсе, а что они действительно с ним виделись. Она и во сне воспринимала это не как сон. Она присутствовала где-то вверху и сверху на него смотрела. Впечатление было такое, что она воочию его видела, словно они действительно встречались.

Как же он просил вытащить его из липкого тумана лжи и лицемерия, которые губят его. Его голос был полон отчаяния, когда он говорил: «Я долго так не проживу». Потом голос его стал мягким, в нём проступили те же интонации, которыми он окрашивал их разговоры. Это особые, ни с чем несравнимые нотки, обозначающие интимность отношений и близость душ. Это теперь она понимает, что голос его был наделён приятными мягкими модуляциями, присущими человеку, опьянённому любовью. «Тала, петелечка моя, спасительница! Спаси, вытащи меня из этого кошмара, который меня засасывает в пропасть». Он говорил, что хочет вернуться в ту искренность, что была между ними. Ната словно побывала в далёком прошлом, в своей счастливой молодости, когда они хотя и не были вместе, но были рядом. Декорацией к этому сну был мост и телефонная будка. Он в ней стоял и разговаривал по телефону. Лицо у него было молодое, такое, каким она его запомнила.

Вернувшись в город, она опять через справку стала искать его телефон и звонить, но ей отвечали, что это квартира не Клёсова. Но она периодически упрямо звонила.

И... только в 2011 году по тому же самому номеру телефона ей ответили, что это квартира Клёсова. От неожиданности и от радости подкосились ноги. Она бы упала, если бы рядом ни стоял стул. На том конце провода была его жена, и она сказала:

– Как хорошо, что вы позвонили. Он уже десять лет лежит в постели.

Было такое впечатление, что она рада этому звонку, что он ей надоел, и она не прочь кому-нибудь передать эстафету. После разговора Ната записала в дневнике впечатление.

13.02.2011 г. Боже мой! Я только что дозвонилась к Володе К.! Я слышала его голос! Прошла вся жизнь... сколько я мечтала об этой минуте! ... Я его ждала. Он инвалид I-й группы. У него отказывают ноги, и он еле передвигается по квартире. Он вспомнил меня, как «маленькую девочку с азиатскими чертами лица». Я всю жизнь его искала, звонила по этому же телефону, писала по этому же адресу, но... и вдруг он отозвался...

Значит, такова судьба. Он сказал: «Твой звонок – как целая революция». Я сижу ошалевшая. Для меня это событие. Найти Володю! Так просто! Набрала номер – и его голос! Он уже 10 лет на инвалидности, а я всё его среди байкеров искала. Во мне всё взбаламутилось, наверное, это и есть «революция», о которой он сказал. Не верится, но я его нашла! На-а-шла! Я ведь всю жизнь знала, что найду его. Если будет всё хорошо, летом съезжу к нему.

А сейчас я жду завтрашнего дня, чтобы ему позвонить и опять услышать эти дорогие нотки голоса, его тембр, который хранила в памяти всю жизнь. Я бы, конечно, звонила каждый день, но боюсь, что меня сочтут ненормальной. Я ему дала адрес сайта, на котором он сможет увидеть меня во время презентации книги в Москве.

Значит, «с азиатскими чертами лица»! Не думала, что он меня так воспринимал. Когда я ему начала напоминать некоторые эпизоды, он сказал:

– У тебя хорошая профессиональная память.

– Да нет. Просто всё это в моей душе оставило более глубокий след.

– Напишешь когда-нибудь об этом.

Мой викинг! Несмотря ни на что, он всегда для меня останется викингом, таким, каким я его увидела впервые. Я помню все наши встречи и разговоры, а он едва вспоминает. Всё зависит от того, насколько оно отпечаталось в душе. И, наверное, от того, что я никогда не забывала этого. Я помню всё, как будто оно происходило вчера.

Через несколько дней в следующий свой звонок сказала, что хочет приехать, но он сказал: «Пусть мы лучше молодыми останемся в памяти друг друга». Так говорят только влюбленные, тем, кому дорог человек, к которому ты неравнодушен. Она усомнилась в его забывчивости.

* * *

Ната позвонила Клёсову, чтобы поздравить с Днём Защитника отечества.

– Мне предстоит операция – ампутация ноги, – сообщил Володя.

Ната услышала обречённость в его голосе, поняла, что у него плохое предчувствие. Она пыталась поднять его дух, но он чувствовал, что это конец. Вспомнились её зелёные в оранжевую крапинку глаза, сопровождавшие его повсюду и в жизни, и в его экзотических снах, полных романтики и любви. Они не просто его сопровождали, они охраняли от беды. Она и сейчас пытается его утешить. Милая, родная девочка.

– Солнышко, ты моё... там в Донецке...

С каким достоинством она принимала все перемены в своей жизни, а они не несли ей блага. И несмотря на это, она никогда не отчаивалась, находила в себе силы перешагнуть и идти дальше. Вот и сейчас пыталась помочь ему, пыталась вытащить из этой дыры, но он-то знает...

Ната растерялась. Значит, он всё помнит, значит, он её любит?! Ведь это их заветное слово, которое обозначало «люблю». Она была так потрясена, что не знала, что сказать. – Нам принесли обед. Пора прощаться.

– Пока, – только и ответила она.

– Пока.

Сидела со слезами на глазах, вспоминая их романтическую любовь. Она не могла конкретно сказать, что она оплакивала и почему его нежное обращение к ней, которое она не слышала столько лет, вдруг вызвало слёзы. Как часто он говорил ей эти слова, когда они были ещё совсем молодыми, и, главное, с той же мягкой интонацией. Она должна поехать к нему, хоть он и не хочет, чтобы она видела его таким, каким он стал.

* * *

Володя давно не отвечал на звонки, и Ната решила поехать. Она подходила к дому. Отыскала подъезд. На лавочке сидели две старушки.

– Клёсовы в этом подъезде живут?

– Да. Если вы на похороны, то опоздали. Его только что повезли.

– Кого?

– А вы не знали? Володю.

У Наты перехватило дыхание.

– Царство ему небесное.

Она села на скамейку. Значит, не зря он предчувствовал. Права оказалась цыганка.

* * *

Когда в Донецке начались обстрелы и объявили АТО, Натe приснился Володя. Он стоял у неё не за спиной, прикрывая сзади, а впереди – со скрещенными руками, и говорил: «Ничего не бойся, ты под моей защитой».